

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

С.Л. Невелева

МАХАБХАРАТА:
художественный язык
древнеиндийского эпоса
(исследование)

Нестор-История
Санкт-Петербург
2010

УДК 6.821 (Инд)
ББК 83.3(0)3
Н 40

*Рекомендовано к печати Ученым Советом
Института восточных рукописей РАН*

Рецензенты:

доктор филол. наук *Я.В. Васильков*
доктор филол. наук *И.В. Кульганек*

Невелева С.Л.

Н 40 Махабхарата: художественный язык древнеиндийского эпоса.
[Исследование]. — СПб. : Нестор-История, 2010. — 332 с.

ISBN 978-5-98187-571-7

Внимание читателей предлагается монографическое исследование, в основу которого положены работы, опубликованные автором за четверть века, с 1985 по 2010 гг., и рассеянные ныне по не всегда доступным изданиям. Эти публикации объединяет понимание термина «художественный язык» как совокупности всех без исключения способов отображения действительности, причем формальные характеристики эпического текста, так называемые приемы, даже условно, в исследовательских целях не противопоставляются содержанию, взятые в нерасторжимом с ним единстве. Все представленные здесь материалы являются результатом нашей совместной с Я.В. Васильковым длительной, продолжающейся более четырех десятилетий работы над переводом и исследованием древнеиндийского эпоса «Махабхарата».

*Автор благодарит за содействие в издании этой книги
Институт восточных рукописей РАН и прежде всего директора Института
доктора ист. наук И.Ф. Попову.*

УДК 6.821(Инд)

ББК 83.3(0)3

ISBN 978-5-98187-571-7

9 785981 875717

© С.Л. Невелева, 2010

Содержание

От автора.....	4
Изучение индийского эпоса: Махабхарата в Петербурге	6
Именование персонажей в Махабхарате.....	20
Сюжет о Карне в третьей книге Махабхараты («сознание инициации»).....	40
Контекстные связи эпической шлоки (Махабхарата III. 186.36; 188.51).....	52
Правила общения в Махабхарате	86
О композиции древнеиндийского эпического текста в связи с архаическими обрядовыми представлениями	114
«Моление о даре» (типология эпического гимна)	151
Махабхарата. Книга X: Об избииении спящих воинов	173
Эпическая ашвамедха (Махабхарата, книга XIV)	197
Махабхарата. Книга XV: типовые мотивы	219
«Другой» Кришна (Махабхарата. Книга XVI, Маусалапарва)	238
Конец биографии эпических героев (Махабхарата: книги XV, XVII и XVIII).....	261
Эпические риши (по данным Махабхараты)	279
Мудрец-сказитель в Махабхарате (к проблеме эпического текстосложения)	302
Литература	319

От автора

Вниманию читателей предлагается монографическое исследование, в основу которого положены работы, опубликованные за четверть века, с 1985 по 2010 гг., и рассеянные ныне по далеко не всегда доступным изданиям. Эти публикации объединяет понимание термина «художественный язык» как совокупности всех без исключения способов *отображения действительности*, причем формальные характеристики эпического текста, так называемые приемы, даже условно, в исследовательских целях не противопоставляются содержанию, взятые в нерасторжимом с ним единстве. Все представленные здесь статьи являются результатом нашей совместной с Я. В. Васильковым длительной работы над переводом и исследованием древнеиндийского эпоса. С 1987 по 2005 гг. нами был опубликован комментированный перевод девяти книг «Махабхараты»: Книга III Лесная (Араньякапарва). М., 1987; Книга VIII О Карне (Карнапарва). М., 1990; Книга X Сауптикапарва (Об избииении спящих воинов), пер. С. Л. Невелевой, и Книга XI Стрипарва (О женах), пер. Я. В. Василькова. Обе — М., 1998; Книга XIV Ашвамедхикапарва (О жертвоприношении коня). СПб, 2003; Заключительные книги (XV–XVIII). СПб, 2005.

В ряде случаев материал книги «Махабхарата: художественный язык древнеиндийского эпоса. Исследование» содержит расширенные «реплики» на идеи и заключения, принадлежащие Я. В. Василькову, моему многолетнему соавтору. Я чрезвычайно благодарна ему и всем моим редакторам за высказанные ими важные для меня соображения. Тем не менее, по прошествии стольких лет, я сочла необходимым подвергнуть сплошному, самому серьезному авторедактированию с позиций сегодняшнего дня все работы, опубликованные по данной теме, устраняя, по-возможности, явные недочеты.

Особенности изучаемого памятника, конечно же, в самом общем смысле воздействуют на стиль работы исследователя, который изучает этот памятник. Пример тому, как мне теперь ясно, — определенное влияние, оказанное на меня в плане организации научного текста тем самым методом, которому следовали древнеиндийские поэты, стремясь

не столько выразить многообразие идей, сколько использовать различные способы выражения самых главных из них. Е. М. Мелетинский, говоря об эпическом сказителе, назвал подобное явление «качанием мысли», когда найденный образ, выношенная идея не отпускают от себя, требуя постоянного возвращения и, возможно, дальнейшего развития.

Подводя некоторые итоги работы над исследованием художественного языка «Махабхараты», я возвращаюсь памятью к моим, увы, ушедшим коллегам и учителям — Г. А. Зографу, Т. Я. Елизаренковой, П. А. Гринцеру и Б. Н. Путилову, в доброжелательной атмосфере присутствия которых работалось с неизменным удовольствием. Огромная благодарность моему мужу — В. Ф. Невелеву за постоянную помощь и поддержку.

С. Л. Невелева

Изучение индийского эпоса: «Махабхарата» в Петербурге¹

Петербургская школа изучения знаменитого памятника Древней Индии «Махабхарата» занимает достойное место в кругу направлений отечественной гуманитарной науки.

Неоспоримо значение древнеиндийского эпоса для духовного сближения народов, населяющих нашу страну и Индийский субконтинент, народов с разной судьбой, но с одинаково мощным потенциалом ума и характера. Что же касается самой Индии, то ее богатейшее эпическое наследие и поныне служит основой культурного единения всего региона с его многовековыми культурными традициями. Поистине огромно значение «Махабхараты», как неиссякаемого источника идей, образов и сюжетов, для литературы и культуры Южной и Юго-Восточной Азии. Современному исследователю индийский эпос служит своего рода энциклопедией данных о жизни человека ушедшей в далекое прошлое эпохи, о его взглядах на мир, о высоких этических критериях, будь то социальные отношения или же семейная сфера.

Примечательно, что именно с переводов из «Махабхараты» начинается знакомство *Европы* — и в том числе, конечно, России — с индийской литературой. Более 200 лет тому назад в Лондоне и Москве почти одновременно — в 1785 и 1788 гг. — были опубликованы переводы «Бхагавадгиты», одного из важнейших текстов мировой культуры, внимание к которому не ослабевает по сей день. Русский перевод А.А. Петрова был выполнен с английского перевода памятника (тот в свою очередь осуществлен Ч. Уилкинсом), и таким образом было положено начало европейской традиции перевода санскритского эпоса².

XIX век был ознаменован бурным культурным подъемом в Европе и России. В числе первых переводчиков эпической поэзии выступили тогда известные деятели литературы и культуры. Так, немецкий поэт-романтик Ф. Шлегель выпустил в свет получившую вскоре широкую известность книгу «О языке и мудрости индийцев», в которой были помещены отдельные эпизоды из «Махабхараты» и «Рамаяны».

С именем А.-В. Шлегеля, брата поэта, связано становление научной индианистики, которая быстро завоевала прочные позиции в мире. Среди его начинаний — издание «Рамаяны», которое, правда, осталось незавершенным. Знаменитое «Сказание о Нале» было впервые — в сугубо научных целях — издано известным санскритологом Ф. Боппом (в переводе на латынь).

Среди зачинателей российской индологии в первую очередь следует назвать санскритологов — П.Я. Петрова и К.А. Коссовича, вершина переводческой деятельности которых пришлась на 30-е — 40-е гг. XIX в. Выполненный К.А. Коссовичем перевод избранных фрагментов из «Наля и Дамаянти» увидел свет в журнале «Телескоп» в 1835 г. П.Я. Петровым в 1841 г. в знаменитых тогда журналах «Отечественные записки» и «Москвитянин» были изданы первые завершённые сюжеты из «Махабхараты», среди которых — «Похищение Драупади», рассказ о прекрасной и мудрой героине эпоса; «Сказание о Савитри», верной супруге, которая вернула к жизни своего мужа, проявив в споре с богом смерти Ямой глубочайший ум; «Сказание о рыбе», которая спасла прародителя человечества Ману от всемирного потопа, оказавшись богом Брахмой.³ Впервые в истории отечественной индологии это были переводы с языка оригинала — эпического санскрита. В начале 50-х гг. XIX в. брат упомянутого выше ученого — К.А. Коссовича, также санскритолог И.А. Коссович первым перевел полностью с санскрита на русский язык пленительное «Сказание о Нале и Дамаянти». Поразителен вкус первых переводчиков «Махабхараты», особым вниманием отметивших третью ее книгу — «Араньякапарву», «Лесную», столь богатую взывающими к высоким идеалам нравственности сказаниями, которые отличаются особой художественной ценностью.

Помимо интереса к индийской культуре, усилия первых санскритологов стимулировали филологическое образование в Европе, в основу которого — и в этом обнаруживается некоторое сходство с индийской традицией — были положены тексты санскритских подлинников. Ярким свидетельством того, что эпическая поэзия Индии становилась постепенно фактом культуры европейской, является знаменитый перевод В.А. Жуковским уже упоминавшегося «Сказания о Нале» (1844 г.). Интересна цепочка, по которой шло соприкосновение науки и поэзии: В.А. Жуковский воспользовался в качестве основы для своей поэмы изданием известного в Европе поэта Ф. Рюккерта, а тот в свою очередь использовал перевод на латынь ученого-санскритолога Ф. Боппа.

За первым всплеском интереса к эпосу Древней Индии последовала большая пауза — длиной около века, обусловленная целым рядом причин, на первом месте среди которых стоит очевидное смещение центра исследовательских интересов в сторону буддизма и ведийской словесности. Ощутимым препятствием для продолжения работы над «Махабхаратой» долгое время было отсутствие выверенного критического текста. Сама идея его создания поначалу не встретила особого энтузиазма в среде ученых прежде всего из-за гигантского объема памятника, насчитывающего около 100 тысяч двустиший, не говоря о его идейной сложности. Долгое время даже такой глубокий ученый начала XX в., как М. Винтерниц, видел в «Махабхарате» «целую литературу», «литературного монстра». Западная текстология, для которой греческий эпос долгое время служил образцом для исследования, не располагала тогда опытом работы с подобного рода памятниками, имевшими столь длительную — около тысячи лет — и необычную «живучую жизнь».

Важнейший этап развития эпосоведения в нашей стране и за рубежом связан с изданием в Индии (г. Пуна) критического текста «Махабхараты» (1933–1971). После I мировой войны, когда Европа с трудом изживала ее последствия, центром подготовки критического издания «Махабхараты» стала Индия; в редакторский коллектив вошли тогда крупнейшие ученые мира — М. Винтерниц, Ф. Эджертон, П. В. Кане, Рагху Вира, В. С. Суктханкар и др. О размахе этой работы, которая явилась примером подлинно интернационального сотрудничества, свидетельствует, в частности, тот факт, что уже в самом начале были обследованы все оказавшиеся доступными рукописи на 8 индийских алфавитах общим количеством 1250 единиц. Так древняя эпическая традиция была представлена в максимальной полноте, а индийская текстология продемонстрировала свои высокие достижения. Эпос, по словам В. С. Суктханкара, первого издателя «Махабхараты» в Пуне, предстал не жестко фиксированным текстом, а «темой с вариациями», словно индийская народная мелодия. В работе над критическим изданием второго эпоса Индии — «Рамаяны» — в индийском городе Барода были учтены принципы, разработанные при издании «Махабхараты».

Более полувека тому назад в Ленинграде начала претворяться в жизнь идея полного перевода «Махабхараты» на русский язык, задача тем более сложная, — и это надо подчеркнуть, — что перевод подобного древнего текста, несущего печать глубокой мудрости, должен быть одновременно и его исследованием.

В. И. Кальяновым, начиная с 1950 г., был подготовлен и опубликован перевод шести книг «Махабхараты»⁴. Книга I «Адипарва», так называемая «Книга Начала», рассказывает о мифологической предыстории эпических событий и омраченном враждой детстве главных героев эпоса, двоюродных братьев — Пандавов и Кауравов. Книга II «Сабхапарва», «О Собрании», повествует о том, как завязался между братьями тугой узел глубоких противоречий из-за оскорбления, нанесенного супруге героев Драупади⁵, — этой распри было суждено разрешиться братоубийственной битвой. В книге IV герои, изгнанные из своего царства, скрываются при дворе царя Вираты (книга так и называется — «Виратапарва»). Книга V, «Удьюгапарва», посвящена усилиям (udyoga), предпринимаемым богом-героем Кришной, дабы предотвратить кровопролитие. В книге VII, которая называется «Дронапарва», «О Дроне», погибает доблестный воин старшего поколения Дрона, наставник обеих воюющих сторон. Книга IX «Шальяпарва», «О Шалье», рассказывает о военачальнике, по имени которого она названа, и также исполнена трагизма: гибнет последний предводитель рати Кауравов, которая противостоит героям эпоса.⁶

В изданиях В. И. Кальянова широко привлекаются традиционные индийские комментарии к тексту, принадлежащие таким комментаторам, как Нилакантха, Девабодха и др., однако созданы были эти комментарии значительно позже того времени, когда «Махабхарата» уже завершила свое формирование. Такой материал позволяет во всей полноте ощутить своеобразие поздней индийской традиции комментирования. В сопроводительных статьях к переводу В. И. Кальянов использует данные традиционной индийской науки — работы таких авторов, как П. В. Кане, А. С. Альтекар, Р. П. Кангле, Р. Н. Дандекар, привлекая тем самым внимание к особенностям индийской научной традиции, однако полностью, за редкими исключениями, абстрагируясь от науки европейской.

70-е гг. прошлого века — пора широкого распространения среди специалистов-филологов теории устно-фольклорного происхождения героического эпоса, которая связана с именами М. Пэрри и А. Б. Лорда.⁷ В России опубликованием работы П. А. Гринцера, посвященной генезису и типологии «Махабхараты» и «Рамаяны»⁸, открывается новый период научного перевода и изучения эпоса Древней Индии. Замечательный исследователь, блестящий стилист, П. А. Гринцер начал в Москве многотрудную работу над художественным переводом «Рамаяны», которая, к сожалению, была прервана смертью ученого.

Теперь работа по переводу «Махабхараты» и исследованию содержания этого уникального эпического памятника с привлечением новейших достижений современной мировой науки сосредоточена в Петербурге. Автором этой книги совместно с Я. В. Васильковым опубликован комментированный перевод девяти книг «Махабхараты»⁹, текст которых послужил материалом для проблемных статей, как включенных в соответствующие издания,¹⁰ так и опубликованных отдельно.

«Араньякапарва», книга III «Лесная», предстает своего рода антологией традиционных сюжетов. Герои, братья Пандавы, проиграв царскую игру в кости, удаляются на двенадцать лет в лесное изгнание, где их время заполнено благими беседами со святыми мудрецами, которые рассказывают в назидание изгнанникам поучительные истории, помогая тем самым превозмочь тяжесть потерь. Собственно эпический сюжет здесь как бы приостанавливается.

Книга VIII «Карнапарва», посвящена судьбе трагического персонажа эпоса — Карны, который волей обстоятельств оказывается в стане Кауравов, противников эпических героев, и погибает от рук своего родного брата Арджуны, не ведающего о том, кто был его соперником на поле брани. В книге X, название которой «Сауптикапарва» передается как «Книга об избиении спящих воинов», сын Дроны, военачальника Кауравов, дабы отомстить за своего вероломно убитого Пандавами отца, нападает ночью на их лагерь и истребляет всех до единого спящих воинов, тогда как самих Пандавов уводит оттуда, провидя случившееся, их родственник и покровитель Кришна. Безмерно горе женщин, которые оплакивают воинов, павших в восемнадцатидневной битве, — такова тема книги XI «Стрипарвы», «О женах».

Последним торжественным обрядом — *ашвамедха* (жертвоприношение коня), — описанным в книге XIV (ее название — «Ашвамедхикапарва»), по существу, заканчивается биография тех, кто остался в живых после битвы¹¹. Далее «Махабхарата» повествует о последнем периоде жизни героев старшего поколения, которые добровольно приносят себя в жертву огню (книга XV «Ашрамавасика», «О жизни в обители»); затем рассказывается о гибели Кришны, последовавшей из-за внутриродовых распрей¹² (книга XVI «Маусалапарва», «О побоище палицами») и описывается окончание земного пути героев эпоса (книга XVII «Махапрастханикапарва», «О великом исходе», и книга XVIII «Сваргароханапарва», «О восхождении на небеса»)¹³.

В связи с изданием перевода «Махабхараты» нельзя не отметить выход в свет выполненного В. Г. Эрманом, профессором Кафедры

индийской филологии Восточного ф-та СПб ГУ, блестящего переводчика книги VI «Бхишмапарвы», «О Бхишме», которая посвящена герою-полководцу, принявшему смерть в бою. В. Г. Эрман по-новому перевел «Бхагавадгиту», памятник мирового значения, входящий в состав книги VI¹⁴.

Остаются непереуверенными на русский язык богатые философскими и социально-политическими идеями грандиозные по своему объему книги XII («Шантипарва», «Книга об умиротворении») и XIII («Анушасанапарва», «Книга о поучении»). Старый герой Бхишма, сам назначивший себе время ухода в иной мир, покоясь на ложе из стрел, перед смертью дает пространное наставление царю Юдхиштхире — каким образом ему надлежит править своим вновь обретенным царством. Окончание работы над полным переводом великого эпоса древней Индии «Махабхараты» на русский язык зависит от притока свежих научных сил.

В соответствии со сложившейся в Петербурге научной традицией, исследование литературы и культуры Древней Индии ведется в тесной связи с переводом оригинальных текстов, и изучение древнеиндийского эпоса не представляет здесь исключения. Задача современных исследователей «Махабхараты» состоит, очевидно, в том, чтобы, опираясь на богатейший опыт индологии прошлого и в то же время осваивая достижения современной мировой науки в области эпосоведения и фольклористики, выявить общность индийской эпической традиции и других эпосов мира, подчеркивая уникальность эпоса Древней Индии на фоне мировой эпикологии, а также ранней книжной словесности¹⁵.

Согласно данным исторической типологии, считается научно обоснованным положение о том, что «Махабхарата» в течение почти тысячи лет — с середины I тыс. до н. э. и до середины I тыс. н. э. — существовала в *устной* традиции, и только в 3–4 вв. н. э. произошла письменная фиксация текста (примерно в таком виде, в котором он дошел до нас), что не исключает, однако, появления в его корпусе более поздних интерполяций¹⁶.

Общепризнанным среди эпосоведов является теперь утверждение о хронологической *многослойности*, но не самого текста эпического памятника, а его содержания. Для понимания специфики этой *многослойности* представляется удачным введенное Я. В. Васильковым в качестве ее образной характеристики археологическое понятие «смешанного культурного слоя», которое позволяет четче представить себе стратификацию содержательных пластов эпоса.

Отечественная традиция сравнительного эпосоведения, представленная работами таких исследователей, как А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, Б. Н. Путилов, подготовила научную почву для историко-типологического изучения древнеиндийского эпоса. Я. В. Васильков обосновывает наличие трех исторических стадий в его развитии — архаической, классико-героической и поздней, *постклассической*. На основании всестороннего историко-типологического исследования содержания «Махабхараты», особенностей отражения в ней истории, мифоритуальных связей и мировоззренческих построений Я. В. Василькову удалось внести коррективы в характеристику этого памятника, данную П. А. Гринцером, который определяет его как классический героический эпос, частично перерастающий в религиозно-дидактический (тогда как «Рамаяна» трансформируется в эпос лирико-эпический).

Предлагаемое Я. В. Васильковым научное решение проблемы эпического историзма, занимавшей ученых прошлого едва ли не с первых шагов индологии, состоит в признании того факта, что «Махабхарата» в *обобщенной* форме воспроизводит не какие-то конкретные события, но «типовую ситуацию долговременного этно-политического и культурного противостояния»¹⁷, причем в этой картине совмещаются черты, свойственные отображению истории как в классическом, так и в архаическом эпосе. Иногда «Махабхарата» *неосознанно* использует в своей композиции схемы древнего ритуала вместе с его идейным комплексом, который превращается «для зрелой эпической традиции в далекие воспоминания», становясь элементом художественной системы¹⁸. Я. В. Василькову принадлежит вывод о том, что, несмотря на происходящие с течением времени изменения в ритуале и его идеологии, эпические певцы в ряде случаев осуществляют совершенно *осознанное* соотнесение и даже отождествление эпического действия и ритуала¹⁹. Что касается отношения «Махабхараты» к мифу, — также давняя и неоднозначно решаемая в индологии прошлого проблема, — то оно отмечено двойственностью: как в эпической классике, миф является художественным «экраном» и образцом эпического действия, но иногда, как в эпосе архаическом, по ходу сюжета благодаря мифу раскрывается суть и смысл происходящего²⁰.

Уточнению типологии «Махабхараты», несомненно, способствует предложенная Я. В. Васильковым историко-типологическая стратификация ее мировоззрения на основе представлений о *судьбе* как центральном понятии, конкретные формы осмысления которого изменяются от архаики к героике и далее, к поздним индуистским доктринам.

В «Махабхарате», по данным исследователя, одновременно представлены три различных концепции судьбы: во-первых, архаическая, связанная с оптимистической идеей «вечного возвращения»; во-вторых, классико-героическая, продиктованная пессимистическими ощущениями и фатализмом, и, в-третьих, сопряженная с поздними учениями индуизма, использующими такие понятия, как *карма*, *бхакти*, *Атман*, *Брахман* и т. д.

Оценить в полной мере своеобразие *художественной системы* древнеиндийского эпоса невозможно без более или менее ясного представления об особенностях эпической мифологии²¹, которая выдвигает на передний план трех так называемых великих богов — Вишну, Шиву и Брахму, но не объединяет их, однако, в индуистскую триаду-*тримурти* как проявление единого начала. Однако, тем не менее, намечается некоторое разделение их функций: Вишну выступает преимущественно как охранитель, Шива — как разрушитель, а Брахма — как творец мироздания. Между тем, самым главным персонажем в сложном эпическом пантеоне предстает Кришна — бог-герой, родственник, друг и покровитель Пандавов, героев «Махабхараты». «Старые», ведийские боги, сохраняя в ряде случаев древнюю связь с природными явлениями (Индра — с грозовым дождем, Агни — с огнем, Сома — с луной, Варуна — с водами и т. д.), распределены по основным и промежуточным сторонам света как их хранители-*локапалы*.

Анализ поэтических приемов санскритского эпоса подтверждает представление о сложном, многослойном генезисе не только его содержания, но и формы. Наиболее употребительные в «Махабхарате» средства художественной выразительности — эпитет, сравнение и метафора-бином — в силу их формульности играют в эпической стилистике основообразующую роль. Их значение выходит далеко за рамки простой характеристики устно-фольклорного стиля, позволяя сделать определенные выводы насчет этических и эстетических ценностей, которым были привержены носители древней традиционной словесности²².

Оценочные *эпитеты* — значительная часть эпического фонда определений — позволяют с достаточной полнотой очертить традиционно-фольклорный образ воина со свойственным ему набором достоинств: «могучий», «отважный», «славный», «быстрый», «неодолимый» и т. п. Другая же группа эпитетов, таких, как «верный дхарме», «сведущий в дхарме», «блюдуший обет», «смиранный», «великий в подвижничестве» и т. п., отражает особенности героического образа

в индийском эпосе. Двойной набор эпитетов, создающих образ героя-воина, раскрывает на уровне поэтического приема многоплановость эпического содержания. Особенности мировосприятия «Махабхараты» проявляются также в сходстве изображения трех миров — человеческого, небесного и демонского. Одни и те же эпитеты адресуются как героям, так и их недругам, так что правота одной стороны и несправедливость притязаний другой выявляются, по большей части, через их действия, которые соответствуют дхарме или же противоречат ей. Такие черты стиля индийского эпоса, как избыточность эпитетов в узком контексте (ряды-цепочки), их синонимическое варьирование, использование вместо имени собственного, а также *вопреки логике* контекста (подобно гомеровскому эпитету «быстрые» о стоящих у берега кораблях), прямо соотносятся с возможностями устной традиции эпической импровизации.

Особенностью формульных *сравнений* древнеиндийского эпоса является значительная доля мифологизма в их содержании, причем количественно преобладают сравнительные конструкции с именами древнейших мифологических персонажей и связанными с ними идеями. Своеобразный консерватизм эпических сравнений позволяет им удерживать в своем содержании более ранние мифологемы, нежели те, которые соответствовали бы доминирующим идеям зрелого эпоса. Так, главное эпическое событие — великая битва — соотносится с борьбой богов и демонов, а ее герои — с богом-воителем Индрой, борющимся против соперников демонской природы, и это ассоциирует битву эпоса с индоевропейским драконоборческим мифом. Можно говорить о «расслоении» семантики формульных сравнений, которые включают также сопоставление образов эпического мира с реалиями доклассического (архаический «обмен») или классического (*ашвамедха*, жертвоприношение коня) ритуала, а также с главными мифологическими фигурами индуизма (Вишну, Шива, Брахма) и даже терминологией индуистских доктрин (например, кони — *индрии*, чувства). Процесс формально-синтаксического усложнения сравнительных оборотов идет, по-видимому, параллельно постепенному обновлению эпического видения мира и снижению доли мифологизма в их содержании.

Метафора «Махабхараты» носит переходный характер: в целом в ней преодолена тенденция к прямому мифологическому отождествлению сопоставляемых образов (ср. ведийск. «тучи-коровы»), однако этот процесс не выглядит завершенным, также как далеко от своего завершения формирование подлинно художественной метафоры,

которая характеризуется порождением совершенно новых смыслов. Рассмотрение «многослойной» семантики эпической метафоры позволяет расположить ее содержание на условной шкале, начиная от наиболее древних представлений и кончая такими, которые можно отнести на счет традиционной новации. Так называемая *животная* метафора («муж-бык», «царь-тигр»), а также метафора *Индрова* («Индра среди людей» — царь, «Индра гор» — Гималаи), наиболее часто встречающиеся в тексте, согласно эстетике героического эпоса, в первом случае гиперболизируют, главным образом, физическую мощь, а во втором — царственный, главенствующий статус определяемого объекта. Расслоение значения столь важной для эпоса «метафоры смерти» оказывается вполне системным: используемая в ее составе мифология Ямы (его имена-эпитеты — Антака-Губитель, Кала — смертоносное Время и др.), привязана преимущественно к героическому слою эпического содержания, тогда как «философия смерти» («оставить тело», «покинуть мир живых», «предать плоть закону круговращения Времени», «расстаться с *пранами*», т. е. с жизненными дыханиями, и т. п.) тяготеет к эпической дидактике, которая ориентируется на поздние индуистские доктрины.

Исследование типологии памятников устного эпоса позволило Б. Н. Путилову сформулировать основные положения теории *типовых мотивов* и их структурообразующей роли в *композиции* эпического текста²³. Применение этой теории к изучению «Махабхараты» подтверждает ее типологическую общность с эпосами мира и в то же время выявляет композиционную специфику древнеиндийского эпического текста²⁴. Сюжет эпоса разворачивается через серии типовых мотивов, среди которых сюжетообразующими являются мотив-*ситуация*, мотив-*речь*, мотив-*перемещение* и мотив-*действие*. Мотив-*описание*, использующий такие приемы, как эпитет, сравнение и метафора, в число формирующих структуру повествования не входит. Если функции мотива-*ситуации* — ввод персонажей в сюжет, установление между ними связей, обозначение пространственно-временных рамок действия — совпадают с теми, которые свойственны этому мотиву в других эпосах, то общефольклорный мотив-*речь*, чрезвычайно важный для «Махабхараты», отмечен рядом структурных и содержательных особенностей. Особо выделяя, с учетом разнообразия форм речевого общения эпических персонажей, словесные контакты героев эпоса и действующих лиц мифологического плана, можно обнаружить следы «субстратного», т. е. мифоритуального, воздействия на организацию эпического текста.

Сходные черты композиционного строения гимнов, принадлежащих трем традициям словесности — ригведийской, эпической и пуранической, объясняются, очевидно, универсально-типовым характером прославительных обращений к божеству²⁵. Эпико-пуранические гимны, рассматриваемые как монологическая форма мотива-речь, в отличие от гимнов «Ригведы», вписываются в определенный сюжет, причем в экспозиции к гимну обозначаются его ритуальные связи, отвечающие религиозной практике индуизма (очистительный обряд, принятие особой позы, эмоциональное состояние *бхакти* и т. д.). Богоявление, непосредственный результат гимнового прославления божества, одаривание им адепта воскрешают в памяти структуру архаического ритуального «обмена» между двумя фратриями социума, организованного по дуальному принципу. Анализ диалогов эпических и мифологических персонажей также показывает возможность установления конструктивного воздействия обрядовых представлений на строение эпического сюжета. При этом в изображение религиозного брахманского посвящения (*дикша*) естественно вплетается мозаика важнейших типовых черт архаической инициации вождя-героя и ритуальных брахмодийских диалогов²⁶.

Отличительной чертой мотива-перемещение, который носит в «Махабхарате», благодаря высокой доле мифоритуальных связей ее содержания, сюжетобразующий характер, является двойственная форма его воплощения в тексте. Пространственные координаты древнеиндийского эпоса совмещают в себе две сходные по своему рисунку сферы действия: горизонталь, на которой расположены царский дворец, лесные маршруты отшельников, святые обители, поле битвы и т. п., а также вертикаль «небо — подземный мир», т. е. мифологические области. Оттуда на землю являются их обитатели, и туда при жизни дано проникнуть лишь одному из героев — Арджуне, прошедшему воинское посвящение, в первом случае — с целью получения оружия от богов, а во втором — для проверки его качеств воина в битве с демонами.

Содержание типового мотива-действие в индийском эпосе также двойственно, поскольку воинский поединок и обряд (названный и описанный более или менее прямо, как *ашвамедха*, либо же реконструируемый на основе данных исторической типологии, как архаический «обмен» и разные типы инициаций) представляют собой два определяющих для «Махабхараты» сюжетных звена. Происходящие в эпосе события группируются вокруг либо обряда, либо поединка, соединяя батальность с ритуалом (что свойственно мифологеме «битва-жертвоприношение») и подчеркивая заложенную в обряде

конфликтность (см., например, военные походы во время отправления ритуалов *раджасуя* и *ашвамедха*).

В каком бы направлении ни продолжалось исследование памятников древнеиндийского эпоса, — в плане ли их воздействия на культуру Индии и сопредельных стран, в русле ли общих проблем становления и типологии жанра или же выявления особенностей и историко-типологических схождений с другими эпосами мира, — такое исследование должно не только дополняться переводческой работой над «Махабхаратой» и «Рамаяной», но в решающей степени на ней основываться.

Примечания

¹ См.: Индия в Санкт-Петербурге. Сб. статей по материалам научно-практической конференции «Россия и Индия: взаимовлияние культур». Под ред. Я. В. Василькова. СПб., «Аюрведа Плюс», 2007. С. 91–105.

² Подробно об исследовании эпических памятников Древней Индии см.: Невелева С. Л. Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991.

³ Содержание этого фрагмента из «Махабхараты» тесно связано с древнейшим сюжетом о потоке, зафиксированным впервые на индийской земле в «Шатапатха-брахмане» («Брахмане ста путей»), где он используется в качестве иллюстрации реалий жертвенного ритуала. Анализ этого эпического сюжета, являющегося композиционной инкорпорацией и принадлежащего, таким образом, к типологически поздним слоям эпической дидактики, — этот сюжет служит утверждению высшей роли в космогенезе бога Брахмы, — позволяет проследить основные тенденции формирования индуистских мифолого-религиозных представлений.

⁴ Махабхарата. Кн. I Адипарва. М.; Л., 1950; Кн. II Сабхапарва (О Собрании). М.; Л., 1962; Кн. IV Виратапарва (О Вирате). Л., 1967; Кн. V Удьюгапарва (О старании). Л., 1976; Кн. VII Дронапарва (О Дроне). СПб., 1992; Кн. IX Шальяпарва (О Шалье). М., 1996.

⁵ П. А. Гринцер в своем исследовании — Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974 — на материале эпических традиций Древнего мира показал, что мотив похищения или оскорбления жены героя играет в эпосе сюжетобразующую роль.

⁶ Все так называемые *батальные* книги Махабхараты — «Бхишма»-, «Дрона»-, «Карна»- и «Шальяпарва» — названы именами полководцев Кауравов, погибших от рук Пандавов, которые действовали *вопреки* правилам ведения честного боя, что позволило некоторым ученым в XIX в. и позднее считать именно Кауравов первоначальными героями эпоса («теория инверсии»).

⁷ См. подробно: Лорд А. Б. Сказитель. Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. М., 1994; Путилов Б. Н. Эпическое сказительство. Типология и этническая специфика. М., 1997.

⁸ Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология.

⁹ Махабхарата. Книга III Лесная (Араньякапарва). М., 1987; Книга VIII О Карне (Карнапарва). М., 1990; Книга X Сауптикапарва (Об избении спящих воинов), пер. С. Л. Невелевой; Книга XI Стрипарва (О женах), пер. Я. В. Василькова. Обе — М., 1998; Книга XIV Ашвамедхикапарва (О жертвоприношении коня). СПб, 2003; Заключительные книги: XV—XVIII. СПб, 2005.

¹⁰ Невелева С. Л. О содержании «Сауптикапарвы»; Васильков Я. В. О центральных образах «Стрипарвы» (обе — в приложении к переводу книг X и XI); Васильков Я. В. «Анугита» и «Бхагавадгита»: о природе различий между текстами; Невелева С. Л. Эпическая ашвамедха (обе — в приложении к переводу книги XIV); Невелева С. Л. Основные темы книги «О жизни в обители»: О чужеродности «Маусалапарвы» в составе «Махабхараты»; Завершение «Махабхараты»: главные идеи (в приложении к переводу кн. XV—XVIII).

¹¹ Центральный сюжет Махабхараты располагается между двумя основными вехами: сюжет о борьбе за престол между Пандавами и Кауравами открывается царским посвящением *раджасуя*, и тот же царь Юдхиштира вершит последнее жертвоприношение *ашвамедха*.

¹² Рисуя Кришну племенным вождем в сюжете, абсолютно не связанном с основным эпическим действием, эпос в конце повествования возвращается к изображению этого бога-героя не просто аватарой (воплощением) Вишну, но Вселенским богом, каким он предстает в ряде контекстов Махабхараты.

¹³ Последние книги эпоса аккумулируют, соединяя в некоем синтезе, важнейшие идеи касательно обретения благого существования на небесах по окончании жизни земной. Получается, что пребывания на небе можно достичь различными способами: равным образом к этому приводят и жертвоприношение, и гибель в бою, и приверженность *бхакти*, эмоциональной форме богопочитания, а также... рецитация текста Махабхараты, которому придается статус сакрального.

¹⁴ Махабхарата. Книга шестая, Бхишмапарва (Книга о Бхишме). Изд. подгот. В. Г. Эрман. Науч.-изд. Центр «Ладомир». «Наука», М., 2009 г.

¹⁵ Подробно см.: Невелева С. Л. Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991; Васильков Я. В. Древнеиндийский эпос Махабхарата: историко-типологическое исследование. Дисс. докт. филол. наук. СПб, 2003.

¹⁶ Я. В. Васильковым разработана комплексная методика выявления таких фрагментов эпического текста, в целом не поддающегося делению на хронологически различные части. — См.: Васильков Я. В. О центральных образах Стрипарвы // Махабхарата. Книга одиннадцатая. Стрипарва (О женах). Пер. Я. В. Василькова. М., 1988. С. 133—158.

¹⁷ Васильков Я. В. «Махабхарата» как исторический источник (К характеристике эпического историзма) // Народы Азии и Африки. 1982, № 5, с. 50—60.

¹⁸ См.: Невелева С. Л. О композиции древнеиндийского эпического текста в связи с архаическими обрядовыми представлениями // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 152—175.

¹⁹ В связи с проблемой «эпос и ритуал» см.: Васильков Я. В. Древнеиндийский вариант сюжета о «безобразной невесте» и его ритуальные связи // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.

С. 83—127; он же: Draupadī in the Assembly-hall, Gandharva-husbands and the Origin of the Ganikās // Indologica Taurinensia. Vol. XV—XVI. Torino, 1990. P. 387—398; он же: Indian practice of pilgrimage and the growth of the Mahābhārata in the light of new epigraphical sources // Stages and Transitions: Temporal and historical frameworks in epic and purāṇic literature. Zagreb, 2002. P. 133—157.

²⁰ Васильков Я. В., Невелева С. Л. Ранняя история эпического сравнения (на материале VIII книги Махабхараты) // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. М., 1987. С. 152—175; Vassilkov Ya. The Mahābhārata's Typological Definition Reconsidered // Indo-Iranian Journal. Vol. 38, № 3, July 1995. P. 249—255; он же: The Mahābhārata's Similes and Their Significance for Comparative Epic Studies // Rocznik Orientalistyczny. Warszawa. T. Liv, z. 1 (2001) P. 13—31.

²¹ См.: Невелева С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса. Пантеон, М., 1974.

²² Подробно см.: Невелева С. Л. Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. Эпитет и сравнение. М., 1979; Невелева С. Л. Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. С. 98—147.

²³ Путилов Б. Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В. Я. Проппа. М., 1975. С. 141—155.

²⁴ Подробно см.: Невелева С. Л. Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. С. 151—202.

²⁵ Подробно о гимне см.: Невелева С. Л. «Моление о даре» (типология эпического гимна) // Стхапакашраддха. Сб. статей памяти Г. А. Зографа. СПб, 1995. С. 235—256.

²⁶ См. об этом: Невелева С. Л. О композиции древнеиндийского эпического текста в связи с архаическими обрядовыми представлениями.

Светлана Леонидовна Невелева

Махабхарата:
художественный язык древнеиндийского эпоса
Исследование

Текст печатается в авторской редакции

Оригинал-макет *С.В. Кассина*
Дизайн обложки *А.Ф. Цыгуля*

Подписано в печать 27.07.2010. Формат 60x90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 20,625

Тираж 200 экз. Заказ № 1692.

Издательство «Нестор-История»
197110, СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел.: (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»

198095, СПб., ул. Розенштейна, д. 21

Тел.: (812)622-01-23